ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

DOI 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-5-7

В.М. Алпатов
(Россия, Москва)

Социолингвистика в России и СССР

Sociolinguistic in Russia and in USSA. The article considers the stages of development of sociolinguistics in the USSR. The author analyzes the development of the theoretical and practical base of Russian sociolinguistics, touches upon the issues of the terminological apparatus of the science.

Хотя сам термин «социолингвистика» утвердился сравнительно недавно, но проблемы, связанные с функционированием языка в обществе, рассматриваются в отечественном языкознании уже более ста лет.

В XIX в. мировая наука о языке имела историческую направленность и мало обращала внимания на то, что происходило в обществе. Такая ситуация вызывала критику наиболее передовых ученых, среди которых особо надо отметить И.А. Бодуэна де Куртенэ. В ряде своих публикаций он обращался к проблемам языковой ситуации в современной ему России, при этом он не ограничивался констатацией фактов, но предлагал программы изменения языковой политики. Он писал в одной из статей: «Не тот или другой язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке» [Бодуэн 1963 с. 145].

Любопытна публикация 1906 г. «Проект основных положений для решения польского вопроса», где, в частности, предлагалось коренное изменение языковой политики (говорится о Польше, но несомненно, что ученый разрабатывал программу, относящуюся ко всей России). Он писал: «Ни один язык не считается государственным и обязательным для всех образованных граждан. Но, по соображениям экономии, т.е. по соображениям наименьшей траты времени, языком центральных государственных учреждений, языком общегосударственной думы, должен быть язык преобладающей численно национальности, язык государственных центров, Петербурга и Москвы, язык *великорусский*. Тем не менее в общегосударственной думе не может быть воспрещено употребление других языков, хотя оно явится вполне бесцельным с практической точки зрения. Каждому гражданину предоставляется право сноситься с центральными учреждениями государства на своем родном языке. Дело этих центральных учреждений обзавестись переводчиками со всех языков и на все языки, входящие в состав государства. Чиновники являются слугами населения, и поэтому все чиновники данной местности или области должны владеть всеми свойственными ей языками. Это легче всего достигается, с одной стороны, предоставлением населению права выбора чиновников, с другой же, в случае невозможности провести этот принцип, - назначением чиновников из местных уроженцев. Так как в пределах Царства Польского этнически польское население составляет громадное большинство, то польскому языку приходится там играть такую же роль, какая во всём государстве выпала на долю великорусского. Хотя в польском сейме должен господствовать язык польский, но тем не менее нельзя возбранять употребление в нем языков национальных меньшинств. Все граждане Польши имеют право сноситься с центральными учреждениями края на своем природном языке. Обязательно поэтому завести в этих учреждениях переводчиков для местных языков. Надписи на строго автономных учреждениях Царства Польского могут быть или только на польском, или же, по требованию хотя бы только меньшинства, тоже и на других языках. На отделениях общегосударственных ведомств, обязательны тоже надписи и на русском языке» [Бодуэн 1906 с. 12-13]. Предполагалось и открытие школ на языках меньшинств.

Изучение языковых ситуаций и языковой политики приобрело особое значение после революции, когда многое из того, что предлагал Бодуэн, стало проводиться в жизнь. Развернулась активная работа, получившая название языкового строительства. Бодуэн де Куртенэ был основоположником отечественной социолингвистики, интерес к этим проблемам он передал ученикам. Видным участником языкового строительства был его ученик Е.Д. Поливанов, рассматривал социолингвистические проблемы в публикациях другой его ученик Л.П. Якубинский.

Поливанов писал: «Лингвист, таким образом, слагается: 1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур, для чего требуется изучение языковой современной действительности, самодовлеющий интерес к ней и – скажу более – любовь к ней; 2) из языкового политика, владеющего (хоть и в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего

опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей «языковой инженерии» будущего); 3) из общего лингвиста», и в частности лингвистического историолога...; 4) из историка культуры и конкретных этнических культур» [Поливанов 1931 с. 26]. Можно видеть, что, как и его учитель, Поливанов делал акцент на активном, преобразовательном подходе к функционированию языка: две первые из его четырех задач – чисто социолингвистические и связанные с практикой. Надо отметить специальный интерес Поливанова к прогнозированию языкового будущего: эта тема редко разрабатывается в лингвистике. Ученый также подробно рассматривал проблему изменений в языке в связи с революцией, указывая, что русский литературный язык сам по себе мало изменился, но значительно увеличивается число людей, им владеющих.

Активный подход к социальному функционированию языка предлагал также Л.П. Якубинский, который резко критиковал Ф. де Соссюра, отрицавшего саму возможность сознательного вмешательства в язык, из чего следовал вывод о нереальности целенаправленной языковой политики [Якубинский 1931]. Якубинский достаточно убедительно опровергал точку зрения швейцарского классика языкознания.

Наряду с работами общего характера в 1920-е гг. и в первой половине 1930-х гг. публиковалось много конкретных исследований, посвященных проблемам создания письменностей или литературных языков для народов СССР. Существовал специальный журнал «Просвещение национальностей», в значительной степени посвященный языковому строительству. Многие публикации такого рода находились на высоком научном уровне. Тогда передовой областью лингвистики являлась фонология, а создание алфавитов является прикладной фонологией. Но авторы этих публикаций не ограничивались структурным анализом, но обращали внимание на языковую ситуацию, в том числе рассматривая степень необходимости создания письменностей для того или иного языкового образования, выбор опорного диалекта и др. Этим занимались Н.Ф. Яковлев, уже упоминавшийся Е.Д. Поливанов и другие крупные ученые. В области монгольских языков ведущую роль тогда играл Н.Н. Поппе.

Наряду с публикациями, нацеленными на практические вопросы, появлялись и чисто научные исследования. Здесь надо особо отметить А.М. Селищева и Р.О. Шор.

Книга Селищева «Язык революционной эпохи» [Селищев 1928] содержит обширный материал, самостоятельно собранный автором, который подчеркнуто безоценочно относился к зафиксированным им явлениям (сам он называл себя летописцем). И делался вывод (поддержанный Е.Д. Поливановым) о том, что русский литературный язык в целом изменился мало (меньше, чем литературный французский язык во время Великой французской революции): заметны новые явления в лексике, но их почти нет в фонетике и грамматике.

Р.О. Шор издала книгу [Шор 1926], специально посвященную проблемам связи языка и общества. Она здесь подчеркивала, что «язык – не естественная биологическая форма человеческого организма, но традиционное культурное достояние коллектива» [Шор 1926 с. 43]. Среди социолингвистических проблем ею основное внимание было уделено вопросам социальной дифференциации языков, в том числе профессиональной лексики и роли заимствований в речи представителей тех или иных социальных групп. Прежде всего ее интересовало выявление социальных причин, влияющих на явления языка; экономические и культурные причины она считала более важными, чем политические.

Безусловно, советская социолингвистика 1920-х гг. и начала 1930-х гг. развивалась очень активно и занимала передовые позиции в мировой науке, что во многом стимулировалось практическими потребностями. Отмечу, что влияние «нового учения» Н.Я. Марра в этой области не было значительным. Однако с 1930-х гг. исследования в этой области резко сокращаются, а затем и прекращаются почти совсем. Играли роль свертывание языкового строительства и общее усиление догматизма. И в 1949 г. Н.Ф. Яковлев писал о том, что у нас прекратилось изучение социальной дифференциации языка советской эпохи, освоения русского языка нерусским населением СССР [Яковлев 1949 с. 273, 275]. Больше возможностей было лишь для изучения этих проблем в зарубежных странах; надо отметить работы В.М. Жирмунского и М.М. Гухман по немецкому языку.

Ситуация стала постепенно меняться со второй половины 1950-х гг. и особенно с 1960-х гг. В это время стал общепринятым термин «социолингвистика», а на грани 1960-х и 1970-х гг. сложились специальные научные подразделения в академических институтах, в частности, в Институте языкознания и Институте востоковедения. В те годы работали В.А. Аврорин, Ю.Д. Дешериев, Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер и др.

В советской социолингвистике того времени рассматривались как теоретические проблемы, так и конкретные вопросы функционирования языков в СССР и в других странах. Вновь после пионерских ра-

бот Р.О. Шор изучалась социальная дифференциация языка. Было выделено понятие языковой ситуации, выделялись типы языковых ситуаций, их особенности в тех или иных государствах. Много работ было посвящено билингвизму и диглоссии, соотношению литературных и нелитературных разновидностей языка. При изучении языковых ситуаций в СССР проводились полевые исследования, анкетирование и интервьюирование. Общую характеристику советской социолингвистики того времени см., например, в работе [Швейцер 1990]. Особо следует отметить книгу [Аврорин 1975], пожалуй, наиболее теоретичную из советских исследований этих десятилетий.

В то же время были и объективные, и субъективные причины, тормозившие развитие социолингвистики в нашей стране. Социолингвистика неоднородна по своей структуре, иногда в связи с этим предлагалось разграничивать социолингвистику (изучение двуязычия, половозрастных различий в языке и др.) и лингвосоциологию (изучение языковых ситуаций и языковой политики) [Никольский 1976: 34]. В первом случае методы являются в основном лингвистическими, во втором – социологическими. У нас и в 1920-е гг., и в 1960-1980-е гг. больше занимались, в этой классификации, лингвосоциологией. Социальная роль тех или иных явлений изучалась больше, чем собственно языковые факторы, за отдельными исключениями, например, вопросами интерференции при билингвизме. А, например, вопросы так называемой гендерной лингвистики, безусловно, составляющей часть социолингвистики, сейчас активно развиваемые во многих странах, у нас тогда почти не изучались и не считались представляющими интерес.

Но и изучению социальных вопросов, связанных с языком, мешала общественная ситуация в стране. Если в 1920-е гг. социолингвистика была тесно связана с практикой, то теперь об этом не было речи за очень редкими исключениями (и в этот период отдельные примеры создания новых алфавитов всё же бывали). Публичное обсуждение вопросов языковой политики в СССР не предполагалось. Требовалось говорить о «равенстве всех наций и народов» и «благоприятных условиях для развития всех языков», хотя приводимый в тех же публикациях фактический материал мог не соответствовать этому.

В годы «перестройки» маятник качнулся в обратную сторону, и уже писали о «геноциде духовно-культурно-языковом» [Гаркавец 1990: с. 73]. Вся советская языковая политика, начиная с конца 1930-х гг., а иногда и с 1917 г., трактовалась в таком духе. Особенно резко она оценивалась в национальных республиках СССР, а затем в новых независимых государствах, хотя во многих случаях именно в советское время сложилась литературная норма для соответствующих языков. А российская социолингвистика во второй половине 1980-х гг. и в первой половине 1990-х гг. была в состоянии определенной растерянности.

Положение стало постепенно исправляться примерно в середине 1990-х гг., когда определились основные тенденции развития, и можно было уже подводить некоторые предварительные итоги. Выходят энциклопедии, справочники, многотомники, проводятся всероссийские и международные конференции. Сейчас, безусловно, отечественная социолингвистика продвинулась вперед. Но многое еще предстоит сделать.

Литература

Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию, т.2. М., 1963.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Проект основных положений для решения польского вопроса. СПб.,

Гаркавец А.Н. Принципы национальной политики и языкового строительства. Алма-Ата, 1990.

Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). М., 1976.

Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 1931.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М., 1928.

Швейцер А.Д. Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Шор Р.О. Язык и общество. М., 1926.

Яковлев Н.Ф. Изучение яфетических языков Северного Кавказа за советский период // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып.2. М.-Л., 1949.

Якубинский Л.П. Ф. Де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм, вып.2, М.-Л., 1931.